

Евгений Голубовский

Очарованная душа

Александра Николаевна Тюнеева

Библиофил. Дословно это слово должно обозначать – «любитель книг», «книголюб», но уже давно оно приобрело несколько иной смысл – человек, собирающий редкие, ценные издания...

Александра Николаевна Тюнеева была филологом, была библиотекарем, была библиографом, но одновременно была и библиофилом.

В дом Тюнеевых на Троицкую, 47, я попал в начале 60-х годов. И с тех пор не раз бывал у Александры Николаевны и Юрия Борисовича, ее сына. Дело в том, что моя

мама Клара Натановна Голубовская работала участковым терапевтом в 3-й поликлинике. Тогда еще не было понятия «семейный доктор», но именно в таком качестве десятки лет она жила жизнью своих пациентов на участке по улицам Троицкой и Преображенской, по Александровскому проспекту. Многие из ее пациентов становились друзьями. И сегодня я вспоминаю семьи профессора С.Ф. Кальфа, краеведа М.Ф. Ставницера, химика Троскова, библиофила А.Н. Тюнеевой.

Впервые я пришел в дом на Троицкой, 47, по просьбе мамы – передать какое-то редкое лекарство Юрию Тюнееву. Он болел, перенес тяжелый сердечный приступ, но сразу не отпустил меня. Ему хотелось поговорить, узнать, что читают молодые люди (он был 1910 года рождения, я – 1936, разница существенная), да и показать какие-то редкие книги из своей библиотеки.

Мы разговаривали около часа, когда в комнату вошла высокая худошавая дама (именно так я ощутил это тогда) со строгим лицом, и я понял, что засиделся. Но Александра Николаевна пригласила в большую комнату – пить чай.

Разговор стал общим. Вернее, меня выспрашивали, насколько хорошо я знаю Достоевского, представляю ли, чего хотели кадеты в 1917 году, знаю ли, отчего русская интеллигенция поддержала Февральскую революцию. Как видно, я выдержал «экзамен», так как мне дали на две недели прочитать трехтомник П. Милюкова «Очерки истории русской культуры»...

Так, лет двадцать, с начала 60-х до начала 80-х, я стал бывать в этом доме, приносил читать книги, брал читать книги, беседовал с Юрием о жизни, с Александрой Николаевной о книгах.

Можно сказать, что три очень разные по направленности библиотеки собрали хозяева этого дома. Одну я уже не увидел, только слышал о ней. Это была музыковедческая библиотека Бориса Дмитриевича Тюнеева, мужа Александры Николаевны. Венчались они в 1910 году, и тогда уже Борис Тюнеев был собственным корреспондентом журнала «Русская музыкальная жизнь» в Одессе, пропагандистом новой русской музыки – А. Скрябина, С. Рахманинова. Кстати, именно сюда, на Троицкую, 47, приходил брат уроки у Бориса Тюнеева юный Святослав Рихтер.

Но вернусь к библиотеке. Большую музыкальную библиотеку мужа после его смерти в 1934 году Александра Николаевна подарила консерватории.

Интереснейшую библиотеку собрал Юрий Борисович Тюнеев. В его шкафу книги стояли в два ряда – в первом мемуары советских военачальников времен как гражданской, так и Великой Отечественной войны (немаловажно и то, что Юрий Тюнеев был офицером, прошел путь от первого до последнего дня войны). Во втором, так, чтобы сразу не было видно, – мемуары бе-

лых – Краснова, Деникина, воспоминания Черчилля... Что-то из этих книг было издано в СССР «для служебного пользования», что-то на Западе. Для меня тогда все эти книги были открытием. И хоть я не увлекался этой темой, но подержать в руках сборники «Вехи» и «Смена вех», поговорить об этих книгах было чрезвычайно интересно.

Юрий Борисович Тюнеев умер в 1971 году, и всю его библиотеку Александра Николаевна подарила мореходному училищу, где ее сын преподавал английский язык.

И, наконец, библиофильские увлечения Александры Николаевны Тюнеевой – философия (и русская, и немецкая), теософия, антропософия. Помню, что Александру Николаевну удивило, что я знаю имя Рудольфа Штайнера. Наше приближение к нему шло с разных концов: она познакомилась и увлеклась Штайнером, когда после окончания Смольного института в Петербурге уехала совершенствовать образование в Швейцарию, в Лозанну. Для меня Штайнер был героем мемуарной прозы Андрея Белого и Максимилиана Волошина. И все равно, разговаривать с русским переводчиком Штайнера в семидесятые годы, когда советская власть каленым железом выжигала не только книги, но и носителей идей антропософии, было редкой удачей.

На столе у Александры Николаевны почти всегда лежала книга афоризмов Шопенгауэра. При ее ироническом складе ума она находила в этом томике каждый раз подтверждение своему скептицизму.

Поэзия не входила в эти годы в круг интересов А.Н. Тюнеевой. Но так было не всегда. В Петербурге она слушала А. Блока и Н. Гумилева, в Одессе – И. Бунина. Кстати, Бунин в Одессе произвел на нее неизгладимое впечатление. Слушала она его на каком-то благотворительном вечере в пользу бедных студентов. Бунин читал цикл стихов, написанных при поездке в Палестину. Его она представляла холодным, заносчивым, чопорным, а он в евангельских стихах был светлым и радостным, хоть за стенами зала продолжались все те же окаянные дни.

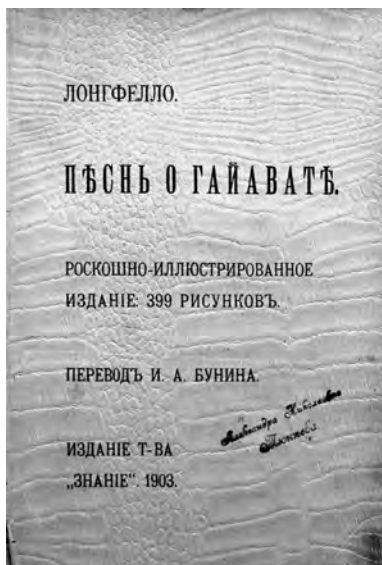
За два десятка лет знакомства Александра Николаевна подарила мне для моего собрания поэзии четыре книги. И одна из них – замечательный перевод, сделанный Иваном Буниным

«Песни о Гайавате» Лонгфелло, за который Иван Алексеевич был удостоен Пушкинской премии.

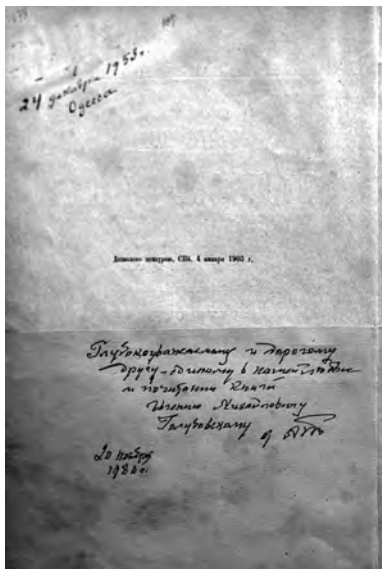
На титуле книги, изданной в СПб в 1903 году, в издательстве «Знание», замечательно иллюстрированной американским художником Ремингтоном, печатка А.Н. Тюнеевой и дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и дорогому другу – единому в нашей любви и почитании книги Евгению Михайловичу Голубовскому от А. Т. 20 ноября 1980 года».

Кстати, разговор о Бунине, об Одессе в смутные времена состоялся именно тогда, когда я в очередной раз зашел к Александре Николаевне, застал там Николая Алексеевича Полторацкого, нашего общего друга, а меня поджидал подарок – надписанная книга.

Естественно, не обо всех встречах в жизни Александры Николаевны удалось с нею поговорить. Где-то в семидесятые годы Александра Николаевна, зная, что я увлечен историей и поэтикой футуризма, подарила мне книгу отца итальянского футуризма Маринетти. Русские футуристы выпустили ее к приезду знаменитого итальянца в Россию.

«Песнь о Гайавате» в переводе И. Бунина

Маринетти. Футуризм. Книгоиздательство «Прометей» Н.Н. Михайлова. 1914 год.

Как на всех книгах Тютнеевой, и на этой ее печатка. Лишь дома, читая книгу, я обнаружил, что Александрой Николаевной в книгу был вклеен билет на лекцию Ф.Т. Маринетти в Концертный зал Калашниковской биржи в Петербурге 4 февраля 1914 года. Значит, где-то, возможно, недалеко, рядом с Александрой Николаевной сидели в этом зале Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Борис Пастернак... Но, к сожалению, об этом вечере с Александрой Николаевной не пришлось поговорить. Не случилось...

И еще два издания, попавшие в мою библиотеку как дар А.Н. Тютнеевой. Оба редчайшие. Одесская Блоковиана.

Отношение к Александру Блоку у А.Н. Тютнеевой менялось в течение ее долгой, почти столетней жизни. Когда в 1905 году вышла первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме», А. Тютнеевой было уже 17 лет. С восторгом читала она тогда молодых символистов, как и она, ищущих Вечную женственность, незапятнанность Веры. Но через двенадцать лет произошла революция. Даже не столько «Двенадцать» отторгли Блока от сердца Александры Николаевны, сколько то, что Александр Блок был редактором стенографического отчета «Чрезвычайной следственной комиссии по делам бывших царских министров». Этот том хранился в библиотеке Юрия Тютнеева, на свои полки Александра Николаевна его никогда не ставила.

И все же... Именно она сохранила для истории поэму «Двенадцать», переизданную в Одессе сразу вслед за Петроградом, и листовку со стихотворением «Скифы», которую она собственноручно подобрала на одесской улице, когда листовку разбрасывали с аэроплана. И в этом тоже проявились характер и принципы Тютнеевой.

В двадцатые годы в Публичной библиотеке, в созданном ею при Музее книги отдела редких книг и рукописей, она хранила архивы меньшевиков, эсеров, Бунда не потому, что они ей лично были интересны, а потому, что такие архивы не должны пропадать для истории. По доносам, после проверки в середине 20-х годов ее уволили из Публичной библиотеки. Но в 1941-1944 годах она вернулась и в Публичную, и в Научную библиотеку универси-

тета, стала их директором, чтобы спасти книжные фонды, в том числе и марксистскую литературу. Ничего не должно быть уничтожено – это все для истории. Таков был ее принцип.

В моем собрании было много прижизненных книг Александра Блока, но одесских, подаренных мне Александрой Николаевной, тогда еще не было. А в это время было объявлено, что «Литнаследство» готовит тома «Александр Блок. Новые материалы и исследования». И я предложил ответственному редактору «Литнаследства», в прошлом одесситу Илье Самойловичу Зильберштейну фотоконии этих двух одесских изданий Блока. Мне была заказана статья.

Естественно, написав ее, я принес текст А. Тюнеевой. Ей было уже 95 лет. Но она сохраняла живой непосредственный интерес к жизни, к литературе. Читать ей было уже трудно, медленно я прочитал ей статью, она попросила внести одну правку, сообщив, что подобрала листовку 1 мая 1919 года не на одной из улиц города, а на Ришельевской угол Ланжероновской, возле Оперного театра, где кружил самолет.

Статья готовилась к печати в издательстве четыре года и вышла в 1987 году, в четвертом томе блоковского «Литнаследства». К сожалению, Александра Николаевна умерла в 1984 году, так и не увидев этой книги. А если бы увидела, обрадовалась бы факту публикации и огорчилась бы, так как названия Ришельевская и Ланжероновская в 1987 году не были «правильно» поняты.

Дарила мне Александра Николаевна и свои статьи – о Музее книги, о миниатюрных книгах на русском, французском, немецком языках. Часть из них я передал в Научную библиотеку имени Горького, где они и должны храниться, так как там были созданы.

Проходят годы. И наконец-то издаются рукописи академика В.П. Филатова, завещанные им А.Н. Тюнеевой. Надеюсь, «всплывут» и антропософские тексты, и будут изданы.

Судьба Александры Николаевны Тюнеевой, библиофила и хранителя исторической памяти, урок того, что жизнь для книги и стала подвигом настоящего русского интеллигента.

